ский уровень произведения. Всё это, конечно же, связано с тем, что вариативные рамки, значимые для волшебной сказки, резко расширяются, безличная традиция сменяется личной, коллективное творчество — индивидуальным.

«Капитанскую дочку» сближают со сказочным фольклором не только общность испытательных блоков, но и самые принципы организации повествования. Уже давно было указано на непрерывность повествовательной цепи пушкинского произведения.[104] Каждый предыдущий эпизод «программирует» последующий. Между ними нет временных разрывов. Временная конструкция «Капитанской дочки» совпадает с индивидуальным временем центрального персонажа, причем в хронологически непрерывной последовательности событий «ускорения» (относительно протяженные темпоральные отрезки) налагаются на соединительные эпизоды, связывающие группы функций, а собственно испытания, напротив, приурочены к «замедлениям». Эти правила чередования «ускорений» и «замедлений» имеют сказочную природу. Характерно для сказки и явление «героецентризма».[105] Повествование в «Капитанской дочке» организуется односторонним взглядом на происходящее с позиции главного героя.[106] «Героецентризм» нарушается в пушкинском произведении лишь однажды (финальное испытание невесты), что объясняется тенденцией к уравновешиванию мужского и женского вариантов центральных сюжетных ролей.[107]

Именно сказочный «героецентризм» ведет, в результате, к одному многозначительному парадоксу пушкинской повести. Пушкин, как пишет Цветаева, «даже забывает post factum постарить Гринева, и получается, что Гринев на два года моложе своей Маши, которой — восемнадцать лет! Между Гриневым — дома и Гриневым — на военном совете — три месяца времени, а на самом деле по крайней мере десять лет роста ... Пушкинскому Гриневу еще до полного физического роста четыре года расти и вырастать из своих мундиров!»[108] Этот хронологический парадокс не что иное, как следствие противоречий между кодом сюжетным (сказочным) и кодом историко-реальным, между мифологическим и иллюзорно-физическим временем. В мифе и сказке процессуальность выражена очень слабо, трансфигурация культурного или волшебного героя происходит внезапно, а не постепенно. Подобно этому, внезапно, взрослеет Гринев, когда выказывает зрелую мудрость на военном совете и превосходит коллектив старших.

Хронологический парадокс — еще одно веское доказательство того, что в «Капитанской дочке» продуктивно действует порождающий механизм волшебного сюжета. В свете предпринятого анализа функциональ-

---

[104] «...каждая из четырнадцати глав начинается ровно с того момента, на котором оканчивается предыдущая» (Н. Прянишников. Проза Пушкина и Л. Толстого. Чкалов, 1939, стр. 15).

[105] Проблемы структурного описания..., стр. 96.

[106] При этом, однако, полностью переоформляется композиция сказочного текста: повествование ведется не с точки зрения внешнего наблюдателя, как в сказке, а с внутренней точки зрения, от лица самого героя (О различении *внешней/внутренней* точек зрения см.: Б. А. Успенский. Поэтика композиции. М., 1970).

[107] С другой стороны, это объясняется общими закономерностями, определяющими художественную композицию; как пишет в указанной выше книге Успенский, на границах текста обычно происходит смена точек зрения.

[108] Цветаева. Пушкин и Пугачев, стр. 182. Остроумно обнажив хронологические несоответствия, Цветаева в одном только неправа: она относит их за счет того, что Пушкин-де слишком увлекся Пугачевым и «забыл» о Петруше. Это увлечение, на мой взгляд, гораздо более характерно для самой поэтессы.